

18+

Михаил Соколовский
Завещание обжоры

Роман

Михаил Соколовский

Завещание обжоры

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Соколовский М. А.

Завещание обжоры / М. А. Соколовский — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Через два дня после смерти Фридриха Андрея де Шая, ресторатора и обжоры, в его доме собираются друзья и родственники, чтобы услышать завещание. Фридрих Андрей щедро раздаёт всем своё имущество, но ставит дополнительное условие: наследники смогут вступить в свои права только в том случае, если съедят его. В прямом, гастрономическом смысле...

© Соколовский М. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

«Отдохнув и подкрепив свои силы в небольшой гостинице, мы на следующий же день отправились поискать жилище побогаче и как раз попали в толпу охотников за наследствами...»

Петроний Арбитр. «Сатирикон». СХХIV.

СЕДЬМОЙ УЖИН

Как только Рейнальдо отогнал журналистов, в ресторан стали пускать хорошо одетых, взволнованных людей. Над входом висела наскоро оформленная вывеска, на которой первым попавшимся в интернете шрифтом было написано название «Оливия». Чуть в стороне от двери, но так, чтобы в любую секунду выскочить и перекрыть дорогу, стоял за аккуратной стойкой-аналоем высокий метрдотель с непокрытой головой и в пышных бакенбардах, прилепленных к лицу как-то небрежно, без заботы об органичном сочетании облика молодого спортивного и серьёзного мужчины со старомодным волосяным украшением. Рядом с ним стояла глубоко декольтированная дама с блестящими перьями на голове, все обязанности которой сводились к тому, что она многообещающе улыбалась каждому подошедшему, пока метрдотель, сдвинув брови, проверял билеты и делал пометки в книге, раскрытой на аналое.

Едва Рейнальдо скрылся в ресторане, махнув седым хвостом на голове и двумя чёрными хвостами фрака ниже, журналисты, конечно, тут же вернулись и начали часто фотографировать гостей, пытаясь поймать их и в полный рост, и отдельно, крупно, – детали невероятных нарядов: там необычный рукав, здесь разрез платья, часы, браслет, бютус-гарнитура. Правда, теперь журналисты стреляли вспышками издали: им уже дали раньше снять поближе и бледно-зелёные буквы вывески, и горящие натуральным огнём факелы в чугунных треногах выше роста метрдотеля, и даже последние приготовления внутри «Оливии», а теперь вход и подход были огорожены грубыми чугунными цепями, висящими на обитых бархатом стойках с золочёными шишками-набалдашниками. Внутри огороженной площадки стремительно подмели, а после того, как в ресторане скрылась, показав билет, последняя пара и метрдотель гулко хлопнул книгой, расстелили от входа красную дорожку.

Метрдотель замер в почтительной готовности кланяться, полуголая дама растянула рот ещё шире, и наступила тишина. Гости уже были внутри ресторана, фотографировать было некого, но журналисты не уходили, ждали. А тот, кого они ждали, всё не появлялся. Оставалось смотреть на то, как лёгкий ветерок шевелит перья на голове блестящей дамы. И вот, спустя почти целую минуту ожидания, журналисты вдруг вдохнули и выдохнули, подались вперёд, навалились на цепи, и их фотоаппараты защёлкали.

К ковровой дорожке подъехал белый лимузин.

Это был лимузин «Хаммер», и дело тут было вовсе не в моде. Просто человек, выбравшийся из машины под щелчки и вспышки, был огромен. Зная его характер, возможности и привычки, можно было предположить, что это он договорился с модой, и она пошла ему навстречу, выкатив «Хаммер» для его торжественных выездов в виде лимузина. С трудом и серьёзной потерей времени достал собственное тело из машины Фридрих Андрей де Шай, а выпрямившись, оказался лёгким и обаятельным. Он изящно и проворно управлялся и со своим великанским ростом, и с исполинским весом, значительная часть коего приходилась на шарообразный живот, низко нависающий над аккуратными брючками, которые сужались к почти женского размера лакированным туфлям. Фридрих Андрей помахал журналистам, улыбнулся пухленькими губками, и от его улыбки как будто стало светлей всем, кого едва освещали факелы в треногах. Все его лёгкие движения люди встречали восторгом, как будто впервые видели «живём» голливудскую звезду, хотя Фридрих Андрей был всего лишь владельцем ресторана. Конечно, не только этого. Фридрих Андрей владел целой сетью ресторанов в стране и даже начал открывать филиалы по всей Европе. Благосклонно и с удовольствием послушав визги, он протянул руку и помог выйти из лимузина маленькой очень худой молодой женщине, которая была одета в вечернее открытое платье, обнажавшее выпирающие ключицы, большие,

папиного размера туфли на аккуратных каблукках, и какую-то сложно заверченную на голове чалму. Её тоже встретили криками и восторгом. «Оливия! Приятного аппетита!» – кричали ей, и ей явно нравилось такое приветствие. Она вытащила изо рта карамельный шарик на палочке, помахала им и одними губами прошептала: «Спасибо!»

Лимузин отъехал. Де Шай подал Оливии руку, леденец снова впрыгнул в рот, Оливия преданно улыбнулась отцу и вместе они пошли к ресторану. Проходя мимо в меру склонившегося метрдотеля, Фридрих Андрей улыбнулся только глазками и щёчками, подмигнул перьям, и тут произошло чудо: дама, которая весь вечер сверкала грудями и улыбалась всем с самым прозрачным намёком, вдруг покраснела, причём от самых перьев до ложбинки, уходящей в декольте. Увидев это, Фридрих Андрей остановился, протянул руку и проворно вытащил перо из головы дамы. Метрдотель нахмурился. Фотоаппараты щёлкали. А де Шай приподнял сзади свой пиджак и сунул за ремень брюк дамино белое перо на манер петушиного хвоста. Оливия залилась смехом, причём её голос, несмотря на почти скелетную худобу, оказался низким и хрипловатым. Преувеличено повиливая бёдрами и придерживая свой пиджак, чтобы не задеть им торчащее перо, Фридрих Андрей под смех Оливии и наблюдателей проследовал в ресторан. Перо сзади качалось так, будто бы в самом деле росло из копчика толстяка. Метрдотель усмехнулся и умильно покачал головой, мол, шалит наш пузан! Едва за отцом и дочерью де Шай закрылась дверь, дорожку свернули, и на её место въехал аккредитованный фургон телекомпании «СТ-1» с большой вещательной антенной на крыше.

Зал ресторана аплодировал. Фридрих Андрей обводил людей, сидящих за столиками, маленькими блестящими глазками с желтоватыми белками. Он явно получал удовольствие от приветствия. С гордостью снизу вверх смотрела на отца Оливия, повиснув на его пухлой руке. Она перекачивала во рту карамельку и палочка торчала из её рта, мешая воспринимать её как взрослую женщину на каблуках, в чалме и с декольте. Фридрих Андрей поднял руку и постепенно установилась тишина. Женщины перестали шуршать платочками, мужчины сели.

– Я проголодался, – сказал Фридрих Андрей с игривой кошачьей интонацией. – Давайте приступим!

Ему снова зааплодировали, закричали, как будто он изрёк невероятно мудрую мысль или хотя бы поздравил присутствующих с каким-нибудь праздником. Де Шай развернулся, пошёл к возвышению, на котором уже был накрыт громадный стол, но по приборам выходило, что есть за ним будут всего две персоны. Как только де Шай повернулся спиной к публике, все увидели его хвост, поняли, почему так странно сидел на нём пиджак, и лёгкий конфузливый смех облетел зал: все конечно, узнали, откуда у де Шая перо, все проходили мимо соблазнительной дамы. Женщины замахали руками, получая удовольствие от собственной стыдливости, мужчины снисходительно на них поглядывали, понимаяюще подхохатывая. Камеры проводили пару де Шаев к их столу, один из операторов с прикреплённой к поясу сложной конструкцией, держащей камеру, стремительно обошёл вокруг идущих, снимая их движение с разных ракурсов. Ни Фридрих Андрей, ни Оливия не обратили на него никакого внимания, а тем временем на мониторе внутри аккредитованного фургона получилась красивая динамичная картинка, за которую режиссёр в наушниках показал ассистенту в наушниках большой палец. Рейнальдо вовремя отодвинул стул, подвинул его обратно под хозяином, успел ловко выдернуть перо из арьергарда де Шая, отдал его кому-то в темноту и подал Оливии блюдецко, на которое она положила с неохотой вынутую изо рта карамельку. Два официанта налили в бокалы воду, и Фридрих Андрей приказал:

– Рейнальдо, подавайте!

Едва заметно кивнув, Рейнальдо сделал кому-то знак.

На таком же возвышении, на котором был накрыт стол для Фридриха Андрея и Оливии, металлически бахнуло и небольшой джазовый оркестр стал играть что-то классическое, из пятидесятих годов прошлого века. Под эту музыку официанты во главе с Рейнальдо стали

исполнять сложный танец с блюдами-салфетками-приборами. На столе появился скворчащий вертел с индюшиной ногой над поддоном, куда капал жир, потом принесли салаты, закуски, графины, рюмки, тарелки... плосечки и соусницы, розетки и чайнички... Рейнальдо взмахнул рукой и к столу де Шая подъехало ведёрко со льдом, из которого торчала бутылка «Шампанского». Рейнальдо лично откупорил её в такт джазовому акценту, налил. Де Шай терпеливо ждал, а Оливия жадно схватила какой-то хрустящий хлебец из вазы, нетерпеливо намазала его толстым слоем горчицы и засунула его в рот весь, разом, раздув впалые щёки. Она закатила глаза с видом такого блаженства, как будто не ела до этого момента три дня. Фридрих Андрей посмотрел на неё ласково, без всякой укоризны, хотя вела она себя нельзя сказать, чтоб уж очень красиво, да ещё под взглядами такого количества людей, которые теперь ловили каждое движение Фридриха Андрея и его дочери.

А никто в зале и не скрывал, что смотрит на де Шая и его дочь. Они для этого и купили билеты, чтобы лицезреть трапезу обжоры. Несколько раз в год Фридрих Андрей де Шай устраивал в ресторане «Оливия» такие шоу. Таким образом он зарабатывал деньги на содержание «Оливии». Нет, конечно, он ни в чём не нуждался. Богатейшим человеком в стране Фридриха Андрея сделало его искусство придумывать новые рецепты, постоянно кормить людей чем-то новеньким и в то же время именно тем, чего они больше всего сейчас бы хотели, но не догадались попросить, пока сеть ресторанов «Еда от де Шая» не предложила им свежее блюдо в новом меню. Но «Оливия», которая была открыта в честь восемнадцатилетия Оливии, постоянно была на грани банкротства. И всё из-за Оливии. Дело в том, что молодая госпожа де Шай, по мужу Бедржих, была больна асытью, древней болезнью, заставляющей человека всё время испытывать голод, всё время пытаться его утолить, и постоянно терпеть в этом деле поражение. Неправильный обмен веществ никак не позволял организму Оливии усваивать пищу как нужно, из-за чего, несмотря на болезненную худобу, она ела даже больше, чем её прославленный обжора-отец. Оливия ела всё время и всё, что перед ней ни поставят. Сейчас, разбрызгивая жир, она схватила обеими руками ногу индейки, оторвала от неё зубами серьёзный кусок мяса, а для того, чтобы смягчить и проглотить, надкусила полным ртом огромный помидор, сок его брызнул вперёд и испортил бы фрачные брюки Рейнальдо, если бы он, подготовленный долгими годами службы в семействе де Шай, не увернулся. Оливия вытерла жир и помидоровы подтёки с лица и рук куском армянской лепёшки и, вытерев, отправила её в рот.

Иногда по несколько раз в день Оливия приезжала в одноимённый ресторан и ела. Ела жадно, долго, отдуваясь и потея. И, конечно, ей и в голову не приходило, что в ресторане, принадлежащем её отцу, названном её именем и управляемом с недавних пор ею, ей нужно платить. Она и не платила. А ресторан бедствовал. Конечно, Фридрих Андрей мог бы содержать «Оливию» так же, как он содержал Оливию, но у его дочери вдруг выиграло самолюбие, и она запретила отцу дотировать это заведение. Она хотела, чтобы ей самой удалось управиться с одним рестораном, как де Шай управлялся с целой сетью. Ну, сколько можно держаться за отцовское брюхо? Ведь когда-нибудь, отец обещал... Но об этом мечтать она себе запрещала. Вместо пустых мечтаний Оливия придумала, как заработать на собственной болезни. Она стала есть на публике. И поначалу всё удавалось. Номер с поглощением невероятного количества пищи худой изящной девушкой, кости которой остро торчали из-под блузок и юбок, забавлял посетителей ресторана и они охотно покупали билеты на это шоу. Правда, довольно быстро готовность платить за ужин «вприглядку» у людей прошла: Оливия ела слишком часто. Надоело. Тогда она решила пригласить на ужин своего знаменитого отца. Она объяснила ему, как это для неё важно, и даже пообещала платить ему гонорар за каждое выступление. Фридрих Андрей затряс животом от хохота, а потом сказал:

– Деточка, ради тебя я готов работать за еду!

– Но не чаще четырёх раз в год, а то мы потеряем интерес публики.

Последнюю реплику произнесла мать Оливии, присутствовавшая при разговоре. Натали Валентина де Шай много лет управляла бизнесом мужа и одной фразой заставила Оливию осознать всю неглубину своих управленческих талантов: опытная менеджер мгновенно прозрела то, в чём её дочь-новичок убедилась на своей прозрачной шкурке.

Четырёх ужинов с обжорой в год хватало на то, чтобы ресторан «Оливия» держался на плаву, питал асы хозяйской дочки и поддерживал на должном уровне спрос зрителей и, соответственно, цены на билеты. Сегодня был седьмой, осенний ужин с обжорой.

Публика аплодировала поминутно. Ей нравилось всё: аппетит Оливии, ловкость старого слуги, и священнодействие Фридриха Андрея. В отличие от дочери, де Шай ел красиво. Для него еда была не средством утоления голода, а искусством, царством изящества и красоты, целым чудесным миром, где он был королём. Чокнувшись с Оливией бокалом с «Шампанским», пригубив напиток и аккуратно поставив полный бокал на стол (в это самое время Оливия выпила три четверти бокала в два глотка, давась и пропихивая вином еду в глотку), Фридрих Андрей начал набирать себе на тарелку картину, скульптуру, коллаж, инсталляцию. Человек со сложной конструкцией, крепящей камеру к поясу, залез на стул и снимал тарелку сверху, над головой обжоры. То, что он видел, транслировалось не только в фургон, не только в прямой эфир телеканала «СТ-1», но ещё и на два огромных плазменных экрана в зале. Публика крупным планом могла видеть, как Фридрих Андрей ловко лавируя вилочками, щипчиками и ложечками между потеющими графинами, дымящимися плюшками, скворчащими сковородами, накладывал на белоснежную, специально слегка подогретую тарелку овощи, нарезанные тонкой соломой, пару перепелиных яиц, плюхнул в самую середину изящную кашечку нежно-серого паштета, по краю пустил зелень, бросил несколько гранатовых зёрен, отрезал тончайшую пластину от грудки индейки, обсыпанной разноцветными точками специй, на тарелке вилочкой и ножичком завернул в неё пёрышко моркови, макнул этот рулетик в паштет, на него, как на клей посадил половинку заранее разрезанного перепелиного яйца, полил из соусницы тончайшего фарфора каплей гранатово-кленового сиропа, кончиком ножика с закруглённым концом приклеил на соус три красных икринки и поднял на вилке этот маленький, но чрезвычайно аппетитно выглядящий бутерброд (фу, какое грубое слово для такого произведения, тем более, что в нём нет ни брода, ни бутера!), обвёл глазами застывший в восхищении зал и произнёс:

– Развернись, чрево ненасытное!

Аплодисменты и крики «браво!», которыми разразился зал, казалось, стараются держать ритм челюстей Фридриха Андрея, безжалостно и с наслаждением пережёвывающих индюшачий рулетик с морковью, икрой, паштетом и перепелиным яйцом под соусом гранатюр. Правда, в том же ритме жарил и диксиленд.

Люди наперебой стали звать официантов. «Оливия» была готова к этому: сегодня в ресторане работал усиленный десант obsługi. Официанты перебегали от главного стола к столикам публики, давали советы, что-то аппетитное шептали в уши, записывали в блокноты, почтительно и быстро кланялись, уносились, при этом умудряясь не перекрывать гостям вид на сцену, где Фридрих Андрей разрезал грейпфрут, вынул из половины середину, но не до конца, а оставив треть, потом кинул туда мелкими, в икринки величиной, кусочками нарезанную... что? селёдку?! ...бросил щепотку сушёного зелёного лука, сверху Рейнальдо полил всё это взбитыми сливками из специального бурдюка с фигурной насадкой, де Шай опылил сливочную верхушку корицей, после чего ложечкой с заострёнными краями подцепил кусочек из глубины и, выпив крохотную, граммов в двадцать, рюмку ледяной водки, под дружный выдох публики – съел.

– Это солёный десерт, – пояснил де Шай с улыбкой, полной ласковой гордости собой, без поучения, скорее желая поделиться с людьми радостью еды. – Его хорошо скушать после

закусок, до основного блюда. Не увлекайтесь алкоголем, господа! Вкусовые рецепторы надо беречь. Да и голова должна быть ясной. Пьяному еда не в радость!

Официанты разносили еду публике. Счёт за еду не включался в билет на «Ужин с де Шаем», но люди уже не могли остановиться, видя с каким аппетитом ест Фридрих Андрей.

Не мог сдержаться и режиссёр в фургоне телекомпании «СТ-1». Ещё две перемены назад он послал ассистента... нет, не в «Оливию», на «Оливию» простому телережиссёру не зарабатывать... он послал его просто в... а! вот он уже и вернулся: дверь неловко отодвинулась, в руках ассистент держал два бумажных пакета.

– Пожалуйста, шеф! Всё, как заказывали! Двойной чизбургер с тройным кетчупом, большая картошка с сырным соусом и кола с большим количеством льда.

– Давай-давай-давай!

Уже с набитым ртом режиссёр что-то промышал ассистенту, но тот понял, нацепил одной рукой наушники, другой засунул в рот какую-то мясную лабуду, завернутую в лаваш, и переключил картинку на камеру номер пять, показывающую довольное лицо Фридриха Андрея, щёчки которого волнисто подрагивали в такт мелким жевательным движениям.

Фридрих Андрей сделал едва заметный знак, к нему мгновенно наклонился Рейнальдо и тихо, вкрадчиво заговорил:

– Левая часть зала заказывает то, что стоит по вашу правую руку, правая часть зала заказала то, что слева. За два часа мы сделали недельную выручку. – Рейнальдо почтительно обратился к Оливии: – То, что едите вы, мадам Бедржих, не заказала лишь одна девушка, которая пьёт только кофе. Кажется, за вход она отдала последнее...

Оливия довольно улыбнулась.

– Где она? – спросил Фридрих Андрей.

– Столик номер семнадцать.

Фридрих Андрей, знавший расположение столиков в каждом из своих ресторанов (сам расставлял), мгновенно нашёл скромную девушку в нарядном, как она считала, платьице, с колечком, блестящим стекляшкой и надетом поверх перчатки. Девушка стыдливо пила маленькую чашечку кофе. Фридрих Андрей улыбнулся девушке с умилением, то ли вспомнив, как сам был молод и беден (да-да! было и такое!), то ли оценив её внимание к себе: ведь она могла пойти в театр, в кино, могла уехать... хотя бы в Бельгию, это рядом... а ведь смотри-ка! Потратила последние деньги на то, чтобы посмотреть на осенний ужин де Шая!

– Пошлите ей вино и фуа-гра по-шайски. Подарок. И пусть у меня на столе поменяют местами блюда. Пора!

Рейнальдо кивнул, отошёл, потом сделал несколько сложных знаков руками, видимо это был какой-то специальный словарь для общения с официантами. Они мгновенно поняли Рейнальдо, и принялись исполнять сложный танец смены блюд, как будто поставленный и отрепетированный, меняясь местами, не сталкиваясь, пронося друг мимо друга сложные блюда с одного края стола на другой. Что-то Оливия не дала унести, вцепилась, но под нежно-настойчивым взглядом отца сдалась: блюдо перелетело на противоположный от неё край. Одного из официантов Рейнальдо остановил, схватив за предплечье, мигнул, шепнул и отошёл вглубь. Пока официанты меняли местами блюда на главном столе вечера, Фридрих Андрей отрезал несколько кусочков спелой айвы, полил их соком вишнёвого варенья, в котором не меньше двух часов томилась нарезанная кружочками морковь, и ласково поглядел на дочь, яростно доедавшую вторую половину утки, запечённой с яблоками и сливами. Оливия обглодала утиное горло, разобрав его на позвонки, и откинулась на спинку стула, тяжело дыша. Руки она опустила в плошку с водой, в которой плавала долька лимона, четвертинка персика и веточка укропа. Отец подал дочери дольку айвы, Оливия жадно схватила её и вгрызлась... Но Фридрих Андрей уже не смотрел на дочь. Он смотрел на бедную девушку, к которой с двух сторон подкатили два официанта, забрали её несчастную чашечку кофе...

– В чём дело? Я заплатила за билет!

...и поставили перед ней блюдо с блестящей крышкой и бокал, в который красиво было налито красное вино из бутылки, завёрнутой в белоснежное полотенце, рукой официанта в белой перчатке, другая рука за спиной, а сам официант высок, строен, мускулист, скуласт и черноглаз...

– Простите, – покраснела девушка под невозмутимым взглядом официанта.

Налив бокал, официант другой рукой в перчатке снял крышку с блюда и оставил девушку одну. Правда, её одиночество было весьма условным. Все взгляды публики были прикованы к ней. И прожекторы, и камеры были направлены на неё, и на главный монитор в фургоне, а значит, и в прямой эфир телеканала «СТ-1», транслировалось смущение бедной девушки в богатом ресторане. Фридрих Андрей приветственно приподнял бокал, глядя на девушку. То же сделала и Оливия, поспешно вытерев руку о полотенце. Девушка покраснела до вишнёвого цвета, схватилась за своё вино и, конечно, от смущения пролила немного в тарелку с аппетитнейшими кусочками фуа-гра. Вытянув губки с лёгкой шутиливой досадой посмотрел де Шай на девушку и кивнул Рейнальдо. Рейнальдо понял, махнул официанту. Снова подошёл он, мускулистый, снова встал так близко, что девушка почувствовала его запах... Или это запах фуа-гра, которую он накрыл крышкой, взял тарелку...

– Я же ещё не попробовала... – растерянно прошептала девушка и её лицо стало цвета бокала с вином.

Но тут второй официант с другой стороны, – близнец? – нет, ещё стройнее и скуластее, – поставил перед нею новое блюдо, снял крышку и под ней оказалась такая же порция фуа-гра, но не испорченная вином. Девушка стала бордовой и с благодарностью посмотрела на де Шая. Обжора повторил свой жест бокалом. Девушка осторожно взялась за ножку своего, приподняла и ответила на жест. Публика зааплодировала. Девушка сделала глоток вина, поставила бокал и посмотрела на де Шая. Перед ним Рейнальдо поставил такое же точно блюдо и тоже снял крышку. Обжора взял очередной ножичек, подцепил крошку фуа-гра, и намазал её на хлебный квадратик, который держал на вилочке. Девушка повторила его действия и откусила кусочек, хотя – от чего? Даже Фридрих Андрей отправил в рот хлеб с паштетом целиком. Однако сейчас он, кажется, не наслаждался вкусом фуа-гра, а настороженно следил за реакцией девушки. Впрочем, этим же сейчас была занята вся публика, замерев и перестав жевать. Девушка закатила глаза в блаженстве. Фридрих Андрей был доволен. Он кланялся не вставая, разыгрывал смущение, а зрители аплодировали, свистели, кричали. И только телережиссёр в вагончике, наблюдая блаженство на лице бедной девушки, с отвращением отшвырнул чизбургер, и тройной кетчуп брызнул ему на брюки.

– Кофе? – предложил ассистент и отвинтил крышку с термоса.

Режиссёр поглядел с тоскою на термос и с ненавистью на ассистента: пить растворимый кофе, когда Фридрих Андрей пьёт «Шато Марго» 1979 года, и вместе с ним за компанию пьёт и ещё проливает вино какая-то... какая-то...

– Обижаете, шеф. Жена варила с утра. Бразильские зёрна средней прожарки. Держим в морозилке, как советует Фридрих Андрей де Шай!

– Давай, – обречённо сказал режиссёр.

А в зале ресторана «Оливия» на секунду наступила тишина: все пили вино, включая Оливию, бедную девушку и даже человека с камерой на сложной конструкции. Почему-то замолчал и диксиленд, готовясь к следующей композиции. И тут в этой наступившей тишине, полной наслаждения от дегустации прекрасного старого выдержанного вина, все отчётливо слышали странный «бульк!», исходящий от Фридриха Андрея. Оливия встревожилась сразу, остальные сначала почувствовали скорее недоумение: безупречный обжора никогда не позволял себе булькать в бокал. «Бульк!» повторился. А бокал, выскользнув из руки обжоры, упал и разбился. И тут только все увидели, что глаз у де Шая нет, вместо них есть желтизна под трепещущими

веками... А ниже – пена изо рта, окрашенная... вином? Или... *не вином*? И если де Шай не падает, то только потому, что стул задвинутый Рейнальдо, прижал необъятное пузо обжоры к краю стола.

– Папа! – закричала Оливия и все, хором вдохнув, отшатнулись. – Папа! Нет! Нет! Рейнальдо!

Рейнальдо отодвинул стул, два мускулистых официанта поймали хрипящего Фридриха Андрея, уложили на пол. Камеры продолжали снимать, как Рейнальдо окаменевшими вдруг и неуклюжими руками растягивал бабочку под подбородком де Шая, расстёгивал воротник, как билась и рыдала Оливия, тряся тушу отца, требуя позвать доктора Бартоло, папиного друга, как над толпой взлетели мобильные телефоны, хоть съёмка во время ужина с обжорой была строго запрещена, как появился телефон даже в руке маленькой бедной девушки, впрочем ей, чтобы достать телефон, пришлось преодолеть своё смущение и снова порозоветь до персика.

Режиссёр в фургоне плюнул горячим кофе в картонный стакан и скомандовал:

– Крупнее!

Оператор навёл камеру на бледнеющее лицо де Шая.

– Разверзись... – прошептали синие губы Фридриха Андрея, растянутые на весь экран.

Рейнальдо, конечно, вызвал доктора, но тот не успел ещё ответить на телефонный звонок, как старый опытный слуга понял, что хозяин мёртв. Он попытался приобнять Оливию, как-то её успокоить, но она надрывно рыдала на его груди, роняя изо рта недожёванный марципановый торт.

– Все вон, – сказал Рейнальдо тихо и официанты стали выгонять толпу на улицу, включая операторов и тех официантов, которые работали здесь не всегда, а только во время шоу.

Вскоре в зале со стремительно опустевшими столиками, на которых громоздились кучи изысканной недоеденной еды и стояли бокалы с недопитым вином, остались только Оливия, постепенно затихающая на груди слуги, лежащий на спине обжора с высоко задранной к небу животом, и сам Рейнальдо, который, не боясь быть увиденным хоть кем-то, чему-то зловеще улыбался в полумрак.

Так, в прямом эфире телеканала «СТ-1» во время седьмого осеннего «Ужина с Обжорой» в ресторане «Оливия» скончался гурман, жрец еды и ресторатор, один из богатейших людей Европы Фридрих Андрей де Шай.

ЗАВЕЩАНИЕ ОБЖОРЫ

Под затяжным осенним дождём такси плыло из аэропорта. На заднем диване сидел длинный и тонкий юноша в форменном костюме и длинном плаще. По явно скоблённым, хоть ещё и не вполне нуждающимся в бритве щекам текли слёзы, а огромные синие глаза в который раз перечитывали смску: «Ты не отвечаешь, у тебя, наверное, занятия. Не хочу, чтобы ты узнал из интернета. Папа умер. Приезжай». Конечно, прежде чем ехать, он уже созвонился и узнал подробности, и пообещал сделать всё, чтобы всё-таки оказаться дома, и первый шок и первые слёзы выплакал ещё вчера, но эта смска теперь была особенно важна для него, и её он всё перечитывал и перечитывал, пытаясь понять, как в таком коротком тексте укладывается такой громадный, непостижимый смысл: папа умер. Фридрих Андрей де Шай, человек, с которым не совместимо слово «умер», умер. И ведь он мог залезть на френдленту фейсбука ещё на лекции, и получить соболезнования, не понимая, что произошло... И кто-нибудь «добрый» обязательно бы сказал... А потом хвастался бы: «Это от меня он узнал!...» Может, это вообще было бы самое важное, что он сделал бы в своей жалкой жизни: сообщил о смерти Фридриха Андрея его сыну... приёмному сыну... Какая же молодец мама... Натали Валентина... что написала эту смску... Я ведь действительно не отвечал... Я никогда не отвечаю на лекциях... А смску прочёл... разве о таком сообщают смской? Но мама молодец... Лучше смской, чем из френдленты... А то нашёлся бы кто-нибудь... И всю эту цепочку рассуждений он прокручивал в голове снова и снова, перечитывая сообщение. На пассажира то и дело поглядывал через

зеркало водитель: он явно узнал его. Таксист был горд тем, что везёт такого важного человека, и предвкушал въезд на территорию знаменитого дома.

Дом де Шаев хоть и был знаменит, но не отличался ничем оригинальным, он просто был большим, удобным и приятным глазу. Дом был выстроен двадцать лет назад умным архитектором, много знающим, но не тешащим свои амбиции, по заказу Фридриха Андрея, который, заказав строительство, доверился архитектору полностью и больше ни во что не вникал до самого момента получения ключей. Всё контролировала Натали Валентина. В доме могла разместиться вся семья де Шаев и даже какое-то количество гостей. А с тех пор, как дети Фридриха Андрея и Натали Валентины не жили больше с родителями, здесь осталась только самая старая супружеская пара слуг: дворецкий Рейнальдо и повариха Шура. Они ухаживали за домом, небольшим садом за ним, переходящим в дубовый лесок, небольшим прудиком у беседки, подъездными дорожками, фонтаном перед главным входом, декоративными кустами и тремя разнотравными клумбами. Внутри дом тоже был спроектирован и обставлен довольно традиционно: верхние этажи занимали личные комнаты обитателей: спальни, будуары, кабинеты; а на первом этаже анфиладно следовали по кругу две гостиных, библиотека и четыре столовых. По краям самой большой, парадной столовой дома уходили вверх, на галерею две симметричные лестницы. И повсюду на стенах висели картины, так называемые «Малые голландцы де Шая», коллекция картин, которую Фридрих Андрей собирал всю свою жизнь с тех пор, как только смог себе это позволить. Картины в основном изображали еду: натюрморты, народные праздники, мясные лавки с разделанными на обозрение зрителя тушами и тому подобное.

В самой большой, парадной столовой собрались все скорбящие о де Шае. На стуле сидела вдова Натали Валентина де Шай, как всегда с прямой спиной. Или она очень хорошо держала себя в руках, или не осознавала ещё до конца свою потерю: она не плакала. Хотя, возможно, её просто успокоил дождь, мерно шелестящий за окном. Так же успокаивающе мог подействовать на вдову молитвенный шёпот Алексея, старшего сына Натали Валентины, священника-кармелита. Он стоял в сутане у занавешенного чёрным крепом зеркала, держал в руке открытый круглый молитвенник, но не смотрел в него, смотрел ниже, в пол, и молился. Рядом с ним горбилась его жена Мария в сером строгом платье и сером головном уборе. Она как раз плакала, всё время всхлипывала. Рука священника обнимала её, утешая, но Мария монотонно плакала, и её всхлипы порой сопровождались коротким попискиванием. Вторым плачущим в комнате был искусствовед Вольф Вульф, друг семьи де Шай, полноватый, чувствительный, добрый. Он стоял у картины известного мастера натюрморта голландца Курбана Сердариуса, изображающей огромный разрезанный арбуз, обложенный персиками и виноградом. Художник представлял арбуз настолько сладким, что в его центре поместил двух счастливых, блестящих зеленью мух. Вольф Вульф не смотрел на картину, он спрятал глаза в ладонь и, судя по подрагивающим плечам, плакал. Его жена, нотариус Елизавета Вульф ходила у стены взад-вперёд с мрачным и озабоченным выражением лица. Её волосы почему-то были выкрашены в красный цвет, а фигура... в общем, не было у неё фигуры. Был один сплошной цилиндр, обтянутый чем-то чёрным, увенчанный крашеной в красное головой. На стуле в углу сидела Оливия. Она была явно взволнована: всё её тело подрагивало, ноги рвались встать, руки вцепились в сидение, а глаза с вожделением смотрели на фрукты в вазе, стоящей на столе. Всё, что удерживало Оливию от того, чтобы немедленно броситься к фруктам и начать их пожирать, — была рука её мужа, сильная рука музыканта Иржи Бедржиха, тяжело лежащая на её плече. Иржи был небольшого роста, но хорошо сложен, жилист и коренаст, глаза его смотрели на всё с интересом, несмотря на то, что удерживать Оливию ему становилось всё тяжелее и вот уже и совсем невозможно. Страсть сделала Оливию сильнее, она вырвалась из-под давящей руки и, расталкивая на большом парадном столе безупречно расставленные Рейнальдо тарелки и бокалы, уронив даже какой-то из них, а потому уже осторожно отодвинув графинчик с водкой

и протиснувшись меж двух кувшинов с вином, белым и красным, она добралась, наконец, до яблока в вазе, схватила, откусила громадный кусок и стала жевать. На шум обернулась Натали Валентина, поднял сухие глаза из ладони Вольф, остановилась Елизавета, перестал молиться Алексей... Оливия с опаской оглянулась на всех, последним она увидела Иржи, который усмехался, скрестив руки на груди. Оливия хрустнула яблоком во рту ещё два раза, получилось громко. Тогда она отложила яблоко, взяла кисть винограда и, отрывая по ягодке, начала есть. Это получилось тише. Все вернулись к своим занятиям: Алексей – к молитве, Мария – к слезам, Натали – в окно, Вольф – в ладонь. И Оливия вернулась на свой стул с виноградной кистью в руке.

Тикали большие часы.

Из кухни вошёл Рейнальдо. На подносе в его руках были кое-какие снежки: орешки, запечённые в перце, засахаренные оливки, кабачковые чипсы.

– Не угодно ли закусить? – даже не спросил, а скорее объявил Рейнальдо.

– Ой, как же ты всегда кричишь, Нальдо! – его маленькая пухленькая уютная жена, поварица Шура внесла следом за Рейнальдо корзину с пирожками. – Вот, подкрепитесь пока.

Шура пошла обносить присутствующих пирожками. Натали Валентина мотнула головой:

– Поставьте на стол. И вы, Рейнальдо, тоже.

Рейнальдо церемонно кивнул и двинулся к столу. Оливия уже встала в стойку, не зная, куда двинуться: к столу с орешками или к Шуре за пирожками.

– Нам сейчас не до пирожков! – плаксиво отмахнулся Вольф от Шуриной корзинки.

– Да отчего же, господин Вольф? Ужин ещё не скоро. Подкрепились бы! Свеженькие, горяченькие! С мясом!

Вольф помотал головой, взглянул на картину с арбузом и снова закрыл лицо ладонью. Когда Шура подошла с корзинкой к Елизавете, та, скорчив почему-то брезгливую гримасу, оттолкнула корзинку.

– Я понимаю, – закудаhtала Шура. – Я всё понимаю. Господина Фридриха Андрея всем нам жалко, но это же не повод заморить себя голодом!

Оливия, горячо поддерживая Шуру, кивнула:

– К тому же папа наверняка хотел бы, чтобы мы поели!

– О, да! – сказала тихонько Елизавета с сарказмом.

– Несите сюда, Шура! – приказала Оливия.

– Вот это хорошо! Это хорошо, госпожа Оливия! Кушайте!

Алексей с отвращением наблюдал через стол, как Оливия вгрызается в пирожок и он дымится изнутри.

– Оливия, как ты можешь! – сказал он укоризненно. – Я понимаю, ты не здорова, но надо же как-то держать себя в руках! Горе в доме!

– В любом случае, ужин я подам, – заявила Шура.

– Давайте хотя бы дождёмся Гая, – произнесла севшим от слёз голосом Мария. – Он ведь уже едет... Он же едет, да?

Натали Валентина, у которой спрашивала Мария, безучастно кивнула.

– Ну, вот, – как будто даже немного успокоилась Мария.

– Приедет Гай, опять придётся голодать из приличия! – к этому Оливия явно была не готова. – Шура, пожалуйста, давайте поужинаем!

– Ужин в шесть! – торжественно и громко объявил Рейнальдо.

Шура отшатнулась от громового голоса мужа, поморщилась. Иржи наклонился к уху Оливии и шепнул:

– Жри пирожки пока, ладно?

– Возьми и ты один, – ответила она, – а то мне стыдно.

– Не ври, – улыбнулся муж.

– Нет, правда! Господа, почему бы вам ко мне не присоединиться? Лёш, съешь пирожок!

– Я вегетарианец, – ответил Алексей сестре.

– Ты дурак. Наукой давно доказано: в мясе столько питательных веществ!

Елизавета у стены скривилась ещё больше. Но Оливия, как, впрочем, и все остальные, этого не заметила:

– Мясо просто необходимо человеческому организму! Нам всем нужно подкрепиться! Ужин только в шесть, а сейчас...

– Половина шестого, – перебил её Иржи. – В самом деле, так долго ждать!

Вольф непроизвольно хихикнул, но, смутившись, закрыл рот рукой.

– Иржи! – укоризненно взвизгнул Алексей. – Ты слишком рано начал шутить. Тело отца ещё не остыло...

– О, Господи! – тихонько выдохнула Елизавета, чего-то вдруг испугавшись, и рванулась к столу. – Мне надо выпить.

Она налила себе рюмку водки и тихо, в одиночестве выпила. Рейнальдо, наводивший порядок на столе после того, как Оливия его слегка нарушила, наблюдал за Елизаветой исподлобья. Выпив, она подняла глаза, встретилась взглядом с Рейнальдо. Тот ей понимающе кивнул. Она сжала губы, скрипнула зубами и отвернулась.

– Вот это правильно, Лиза! – одобрила Оливия. – Чего сидеть-то? Под этими картинами у кого хочешь слюнки потекут! Я – вина...

Оливия подошла к столу и налила себе бокал белого вина из стеклянного кувшина. Лиза налила ещё одну рюмку, снова, не дождавшись никого, хоть Оливия и тянула к ней бокал, чтобы чокнуться, выпила и закрыла рот рукой: то ли слизистую обожгла, то ли просто изо всех сил старалась не заплакать. Шура подскочила к Елизавете с пирожком в руке, сунула под нос:

– Закусите, закусите...

И снова Елизавета с непонятной брезгливостью оттолкнула Шурину руку:

– Не надо! Вы лучше поставьте на стол приборы себе и Рейнальдо.

– Да вы что, госпожа Лизавета? Чтобы мы с моим Нальдо да за общий стол? Господин Фридрих Андрей не любил этого...

Елизавета налила себе ещё и проговорила:

– Так надо. В завещании вы тоже упомянуты, наравне со всеми, так что...

Слово «завещание» заставило всех замереть, и с ожиданием посмотреть на Елизавету. Даже Натали Валентина перевела взгляд с дождливого окна на Елизавету с рюмкой в руке.

– Хотя, – сказала нотариус и душеприказчица покойного в наступившей тишине, – если Гай не приедет, никакого оглашения не будет.

Она выпила, не закусив, и отошла к стене под недоумённым взглядом Вольфа: он никак не мог понять, что происходит с его женой.

Как Рейнальдо ни отгонял журналистов, как ни ставила Натали Валентина заборы на дальних подступах к особняку, как ни нанимала охрану и ни увешивала периметр следящими камерами, самые настырные журналисты самых жёлтых изданий всё равно подбирались и пытались высмотреть, подслушать, накопать какой-нибудь материал для светской хроники. Светская хроника имела большой спрос: о чём ещё писать и читать в стране, где последние серьёзные политические события происходили тринадцать лет назад?

На холме, с которого подъезд к дому де Шаев весь простреливался, была разбита брезентовая неприметная палатка. У палатки под тентом, натянутом от дождя, булькала на костре какая-то похлёбка в походном закопчённом кане. Помешав похлёбку деревянной ложкой, репортёр интернет-издания «Полишинель» ещё раз поднёс к глазам армейский бинокль, поглядел на дом, никаких изменений не обнаружил и, вместо бинокля, повисшего на его шее, взял в руки планшет. Открыв в нём программу для заметок, репортёр записал: «17.45. В доме де Шая собрались почти все. Ужинать ещё не сажались, очевидно, ждут приёмного сына, Гая

Смита, который обучается...» Быстрый перебор пальцами по экрану остановил звук едущей машины. Репортёр быстро поднял бинокль, поднёс его к глазам и увидел, как через автоматически открывшиеся ворота между клумбами въехало на территорию особняка де Шаев такси. Обогнув фонтан, машина остановилась у парадного входа в дом, таксист выбежал, оббежал, открыл пассажирскую дверь и выпустил высокого тонкого юношу в плаще. Тот, не обращая внимания на дождь, расплатился с таксистом, взял свой чемодан на колёсиках, который таксист уже достал из багажника, и пошёл в дом, печально глядя вперёд. Таксист, напротив, оглядел дом с интересом, взглянул на клумбы и фонтан и, кажется, остался разочарованным. Он вздохнул, сел за руль и поехал прочь. Ворота за ним автоматически закрылись. Репортёр отпустил бинокль, схватился за планшет, открыл Твиттер и написал: «В доме де Шая все в сборе».

Дверь распахнулась. Все повернули головы.

– Гай... – выдохнула Мария.

Гай бросился к Натали Валентине и упал на колени у её ног одновременно со стуком упавшего чемодана. Он уткнулся ей в юбку и зарыдал. Увидев Гая, Елизавета помрачнела ещё, хотя, казалось, куда уж больше? Слёзы Марии закапали между пальцев чаще. Натали Валентина гладила кудрявую голову Гая и, печально улыбаясь, говорила:

– Ну, Гай... ну, всё... ну, возьми себя в руки... ну, всё... всё... Надо держаться...

Елизавета выпила ещё и занюхала рукавом.

– Да что с тобой такое? – подошёл к ней Вольф. – Зачем ты столько пьёшь?

– Ничего! – Елизавета уже слегка захмелела. – Скоро тут все напьются!

Вольф, ничего не понимая смотрел на жену.

– Ну успокойся, Гай, – говорила Натали Валентина. – Ну, всё, неудобно... Здесь же все...

– А он? – Гай поднял огромные синие глаза, ещё и увеличенные, как линзами, слезами. – А он где?

– Покойный в гостиной, – торжественно и скорбно ответил Алексей.

Гай обернулся на голос, посмотрел, сжал зубы, встал, потом стал снимать плащ. Гай бросил плащ на брошенный чемодан и подошёл к Алексею. Алексей отшатнулся, переложил молитвенник в левую руку, прикрыл подбородок, правую на всякий случай сжал в кулак и опустил на уровень груди. Гай подошёл вплотную к Алексею, и, глядя снизу вверх, злобно сказал:

– А ты и рад, да? В своей стихии! Наконец-то можешь быть полезен отцу! Отпоёшь его по своим круглым кармстантским обрядам!

– Не надо кричать, Гай. Я понимаю, тебе тяжело, но и нам всем...

– Вам?! Да вам всё равно! Всем! – Гай оглядел всех почти с презрением. – Слетелись на наследство! Думаете, я не понимаю?

– Ты несправедлив к нам, сынок, – сказала Натали Валентина. – Мы все любили Фридриха Андрея...

– И полюбите его ещё больше после оглашения завещания! Тётя Лиза, когда это у нас по плану?

Вошёл Рейнальдо, держа на подносе ещё две тарелки и нужное количество вилок и ножей.

– После ужина, – ответила Елизавета.

– Ужин в шесть! – провозгласил Рейнальдо.

– Чего тянуть? – спросил Гай, скривив рот. – Можно всё объявить прямо за ужином! Все же ждут не дождутся! Потому вы и сидите здесь... А не... там... как положено... у гроба...

Гая всё труднее становилось сдерживать очередную порцию слёз, и он просто выбежал из комнаты. Вольф посмотрел ему вслед и улыбнулся с умилением:

– Какой все-таки добрый и хороший мальчик.

Натали Валентина кивнула:

– Всегда был впечатлительным. А тут такое дело – смерть отца. Он бушует от расстройства, от неожиданности. Немного привыкнет и снова станет тих, как голубь... Я-то его знаю...

Все её слова сопровождались энергичными кивками Марии. После приличной в этой ситуации паузы, Шура вздохнула и спросила:

– Прикажете подавать, госпожа Натали?

– Подождите, Шура, Гай только что приехал...

– Я так и знала! – разочаровано сказала Оливия и откусила сразу полпирожка. – Щадим чувства ребёнка!

– Может, пойти за ним, – спросила Мария, прижимая ко рту платок. – Чего он там так долго?

– Да зачем же? Куда торопиться? Ему надо побыть одному, не надо ему мешать, он так любил отца, они были так близки, так искренне во взаимной любви!

– Чего? – Алексей не понял, что говорила Оливия ртом, набитым пирожком.

– Сейчас он вернётся, – «перевёл» Иржи то, что сказала жена.

В открытом гробу, установленном в малой дубовой гостиной, лежал кверху животом Фридрих Андрей де Шай. Кругом горели свечи и подрагивали от воздуха, который с тихим шумом гонял по комнате небольшой кондиционер, подвешенный над тяжёлыми задёрнутыми шторами. Заслонка с периодическим поскрипыванием двигалась вверх-вниз. В ногах покойника стоял Гай и уже без всяких слёз вглядывался в мёртвое лицо отца. Вдруг он поёжился, обернулся, взглянул на кондиционер, поискал и нашёл глазами пульт, нажал на кнопку отключения. Заслонка, скрипнув продолжительней, закрылась, и наступила тишина. Гай отложил пульт, подошёл к гробу сбоку. Вгляделся в лицо отца, вдруг улыбнулся с нежностью, прошептал:

– Чрево ненасытное...

Улыбка сошла с его лица, он постоял так ещё несколько секунд, потом протянул руку к желтоватому лбу покойника, но тронуть не решился. Отдёрнул руку, сглотнул ком, потом, резко помрачнев, как будто обидевшись на Фридриха Андрея за то, что тот умер, резко развернулся и пошёл к двери. Однако не забыл перед выходом включить с пульта кондиционер. В комнате снова загудело, заскрипела заслонка, но Гай этого уже не услышал.

Дверь в столовую открылась со стуком, все резко обернулись, замерли в ожидании. Часы начали бить. Все в ожидании, что скажет и сделает Гай, стали нервничать переглядываясь. Гай взрослым жестом достал из жилетного кармана часы, открыл крышку. Бой часов утих. Гай вскинул бровь, обвёл ожидающих холодным взглядом и спросил надменно:

– Разве здесь теперь ужинают не в шесть? Я проголодался.

– Я поняла, господин Гай! – засуетилась Шура. – Несу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.